

свою обязательность, еще не замѣнились другими равносильными убѣждениями“¹⁾.

Въ прежнія времена, въ господство крѣпостного права, частнаго и государственнаго, крестьянство представляло отдѣльный міръ, обставленный всякаго рода опекой и загородками, обособленный отъ всѣхъ другихъ сословій, лишенный всякой самостоятельной дѣятельности и инициативы, исключительно прикованный къ земледѣльческому и другому крѣпостному труду. Заключенный въ своемъ безисходномъ кругѣ, крестьянскій міръ естественно жилъ однимъ преданіемъ, унаслѣдованными бытовыми формами и обычаемъ, которые съ другой стороны оберегала и сама крѣпостная власть. Реформа разрушила эту обособленность; правда, крестьянское общество сохранило свою отдѣльность, но уже не было китайской стѣны, не было безправности, началось взаимодействіе съ другими слоями общества и открылся исходъ „индивидуализму“. Бытовые понятія тѣсно связаны съ внѣшними формами и условіями жизни, а эти формы и условія измѣнились до чрезвычайности: прежнее привилегированное землевладѣніе, и именно самое многочисленное — среднее и мелкое, уже на другой день реформы почувствовало себя подорваннымъ; на его мѣстѣ вскорѣ стало складываться землевладѣніе иной формации, гдѣ новымъ сильнымъ элементомъ являлось купечество, мѣщанство и гдѣ наконецъ, сталъ находить себѣ исходъ и крестьянскій „индивидуализмъ“, особливо въ видѣ міроѣдства и кулачества. Новыя поколѣнія крестьянства, выросавшія на волѣ, росли уже подъ иными впечатлѣніями; прежній тѣсный кругозоръ расширялся; извѣстное чувство своей воли проникло въ семью и ослабило старыя патріархальныя отношенія, а съ ними и вообще старое преданье... Начать съ того, что реформы прошлаго царствованія, — какъ земскія учрежденія и новый судъ — прямо вводили крестьянство въ общественную жизнь и давали ему извѣстную равноправность: въ принципѣ обособленность стараго времени прекращалась. Личная свобода открывала крестьянству всѣ роды дѣятельности. На эту почву въ тоже время дѣйствовали другія новыя вліянія и съ ними возрасталъ упадокъ старины: съ желѣзныхъ дорогъ проникла и въ тѣ захолустья, изъ которыхъ прежде въ три года нельзя было доскакать никуда; съ усилившимся движеніемъ городская „цивилизція“ стала чаще появляться въ деревнѣ, нахлынули новые нравы, частью хорошіе (какъ распространеніе школы), частью очень дурные; съ город-

¹⁾ Кавелинъ, Крестьянскій вопросъ, стр. 155.